

Идея сверхчеловека в культуре

Проблема сверхчеловека имеет общекультурный характер и общечеловеческое значение, несмотря на то, что само понятие «сверхчеловек» принадлежит по преимуществу к европейской культурной традиции. Представляется, что в настоящее время данная проблема приобретает новую и особую актуальность в связи с развитием как новых социоцивилизационных стратегий, так и новой экспериментальной техники и новых медико-генетических технологий, с одной стороны, и одновременно — с другой стороны — с практически полным элиминированием этической проблематики из сферы науки, даже непосредственно затрагивающей перспективы существования человека. Кроме того, ныне понятие «сверхчеловек» чаще всего предстает в версии «супермен», что отнюдь не является синонимом первого и имеет легко осязаемый пародийный характер и иронический оттенок. Это, как правило, образы масскультовских суперменов или странных патологизированных героев постмодернистского искусства и не менее странных сверхсущностей произведений всех видов фэнтези.

В то же время может вообще показаться странным разговор о сверхчеловеке на фоне всеобщей невротизации и своего рода нравственной «шудризации» всего населения. О каком сверхчеловеке может идти речь, когда нормальная человечески достойная жизнь требует от обычного человека сверхусилий? Действительно, если понимание сверхчеловека отталкивается от представления о норме, а норма есть соответствие, адекватность человека условиям окружающей действительности, то быть адекватным существующей действительности и одновременно оставаться нормальным практически невозможно, как невозможно быть адекватным подобной шизофренически рас-

слоенной действительности. Однако именно сама жизнь и делает проблему сверхчеловека актуальной и именно современный контекст сообщает рассмотрению данного вопроса острую проблематичность.

Феномен сверхчеловека не может быть ни однозначно рассмотрен в рамках традиционной «школьной философии» или в категориях «правильной», т.е. по сути сциентизированной науки, излишне формализующей данную проблематику, ни до конца решен в рамках ортодоксальной религии. Больше того, данная проблема не может быть не только решена, но и даже адекватно поставлена в какой-либо лишь одной из этих парадигм. Это не просто комплексная, междисциплинарная тема, но тема прежде всего полиметодологическая, ибо она многослойна и в предметном, и в смысловом плане. Уже сама постановка этой проблемы предполагает обязательное рассмотрение следующих, необходимо «сопутствующих» вопросов: о природе человека; о понимании человеческой «нормы» и способов (видов, параметров) ее «превосхождения» в сверхчеловеке; о цели и смысле человеческой жизни; о направлении и цели человеческой эволюции и т.д. Таким образом, понятие «сверхчеловек» не есть чисто научная категория, это одновременно и понятие религиозно-философское в широком смысле слова, и культурно-гуманистическое, и социо-эвристическое, и, конечно, нормативно-оценочное. Учитывая, что каждый из упомянутых вопросов имеет отдельный дискуссионный характер, а каждое понятие само по себе проблематично, мы в нашей статье не имеем возможности начать рассмотрение нашей *основной* проблемы с традиционного прояснения используемых понятий (начиная с их этимологии) и методологических подходов; наша задача — по возможности структурировать многомерное пространство этой многоаспектной и многозначной проблематики, обозначив ее уровни и аспекты и показав связь с некоторыми экзистенциальными проблемами человеческого культурного существования.

Так, среди возможных аспектов обсуждения проблемы можно выделить следующие: онтологический; психологический; символический, телеологический; трансмутационно-психотехнический, мистико-эзотерический; генетико-инженерный; медико-технологический; антрополого-видовой; гуманистический; футурологический и т.д. Разумеется, это в известной степени условное выделение и способов понимания, и типов «образования» сверхчеловека, ибо при конкретном рассмотрении можно увидеть, что данные подходы отчасти перекрывают друг друга в определенных положениях, какие-то аспекты могут совпадать у разных делений. Однако в сущности своей указанные проявления природы сверхчеловека или же способы ее по-

нимания являются разными. При этом перечисленные способы подхода к данной проблематике далеко не исчерпывают многообразия возможных ее аспектов.

Самое простое и общее определение сверхчеловека подразумевает случай, когда человек в духовном и физическом отношениях превосходит возможности человеческой природы. Но здесь, как уже говорилось, мы не можем избежать прояснения вопроса о том, что же является нормальной, обычной человеческой природой, т.е. что принято считать нормой, а что «превосхождением» ее – количественные (усиление каких-либо отдельных качеств или возрастание их числа), например, или качественные показатели, или вообще переход к каким-либо иным параметрам.

Причиной этого оказывается то, что при определении сверхчеловека используются как разные способы понимания нормы, так и разные принципы выделения черт, которые бы характеризовали сверхнормативность. Например, если брать количественные показатели, то их оценка может быть не только очень субъективной, но и колебаться в весьма широких пределах. Йог, воспитавший в себе невозмутимость и сохраняющий спокойствие в любых мыслимых ситуациях, человеку экспансивной культуры может показаться равнодушным истуканом; человек, развивший в себе способность к тонким восприятиям и очень чутко, подобно золотой арфе, реагирующий на мир, может показаться кому-то невротиком. И т.д. Если же говорить о качественных характеристиках, которые определяли бы сверхчеловека, то и это достаточно размытая область, где порою возможно существование множества пограничных случаев, когда, во-первых, трудно различить проявления еще нормы и уже сверхнормативного, а во-вторых, сложно оценить само новое качество, его соответствие постулируемому образу сверхчеловека. Кроме того, качества при их усилении имеют тенденцию переходить в свою противоположность.

Таким образом, получается, что образ сверхчеловека фактически не обладает объективностью: каждая культура, каждое общество, каждая эпоха и даже всякое оформленное направление мысли, если оно занимается данной проблематикой, строит этот образ в соответствии со своими представлениями о должном или высшем, своими понятиями о ценности, в согласии, наконец, с господствующими вкусами. Так, например, возможен романтический акцент на понимании сверхчеловека как человека прежде всего *героического*, или гуманистическое его понимание как человека *совершенного* и *гармоничного*, т.е. такого, в котором все составляющие – физическая, нравственно-этическая, психо-духовная – его природы одинаково хорошо

развиты и находятся в состоянии гармонии. Можно понимать сверхчеловека как человека *великого*, у которого сверхразвито какое-то одно определенное качество или способность, иногда даже за счет какого-либо другого или вообще всех остальных. Эволюционисты и футурологи помещают его в *будущее*, полагая, что сверхчеловек явится как продукт эволюции и социального развития человечества. В эзотерико-мистических построениях это *высший* тип человека. В то же время, создавая образ будущего человека, в своих разработках они исходят из представлений настоящего о будущем. Однако будущее «завтра» часто приходит совсем не таким, каким его ожидает увидеть настоящее «сегодня». Подобный идеальный образ иногда объективно не может учесть *возможных тенденций* развития и связанных с этим черт, желательных для будущего; этот образ представляет то, что является желательным сегодня.

Гуманисты, говорящие о вечной и неизменной человеческой природе, трактуют сверхчеловека как идеал человека *вечно*, каков он есть, был и будет, но «очищенного» от недостатков неравномерного развития и «хорошо исполненного». При этом в их идеализирующих концепциях упускается то, что человек в действительности не только многогранен, но и многослоен, даже «многоэтажен». Как человеческий зародыш в своем развитии повторяет все фазы развития предшествующих земных форм, так и сознание человека сохраняет в себе спящие пласты всех предшествующих состояний, а также нераскрытые потенции будущих. Поэтому в человеке присутствуют в той или иной форме проявления всех состояний — от минерала до Бога. «И желания Бога в человеке... не могут быть гармонизированы с инерцией камня..., с сонным переливанием соков в растении..., с зовом крови животного»¹. К тому же развивающийся человек начинает четче осознавать и ощущать всю разносторонность и даже противоречивость своей природы и своей души. Духу все труднее бывает примириться с ограничениями тела, воображению — с ограничениями наличной природы. Воображение, движущееся одновременно в разных направлениях, будет порождать желания и потребности, удовлетворение которых могло бы встретить противодействие как со стороны общества, так и со стороны возможностей самой природы. Таким образом, будущий человек может составить весьма сложную проблему для мира, и его гармонизация с самим собой и с окружением может также оказаться чрезвычайно сложной задачей, несоизмеримой с его силами или возможностями самовосстановления (в том числе и прежде всего экологического) для природы и мира. Создание воспитательно-гармонизирующих и корректирующих программ для подобных

случаев вряд ли окажется по силам другим, таким же сложноразвивающимся людям. Во всяком случае, будущее в своем развитии может оказаться не совсем таким, как представляется людям, верящим в свою вечную и неизменную человеческую природу. Отвлеченные идеализации гуманистических концепций, если довести их до логического конца и попытаться осуществить, чреватые тем, что при их реализации обычно больше проблем возникает, чем решается.

В свою очередь, мистики разных направлений, отчетливо видящие подобную многоуровневость, «многоэтажность» природы человека, склонны утверждать, что сверхчеловек — это *высший* тип человека, который существует одновременно с обычными людьми, но не может быть ими видим; и вообще «все остальное существует для единственной цели — чтобы из массы человечества, ползающего по земле, время от времени возникал и вырастал **сверхчеловек** — а затем покидал массы и становился недоступным и невидимым для них»². Таким образом, обычная человеческая жизнь и история приобретают цель и смысл — явление сверхчеловека; это они, в складывающейся совокупности своей, подвигают вперед все человечество, выступая для него в качестве учителей, пророков, мессий, открывающих новые горизонты, приносящих новый закон или новую истину.

Исторические корни проблемы рассмотрения сверхчеловека в культуре — в имеющихся у разных народов мифах и преданиях о героях, титанах, полубогах. Это, так сказать, героическая версия сверхчеловека, когда человек наделяется сверхвозможностями в связи со своим полубожественным происхождением (например, Прометей или Геракл). Божественное происхождение приписывалось и людям обычного рождения, если за ними признавались особые, сверхобычные заслуги или результаты деятельности. Так, Александр Македонский официально был провозглашен сыном Зевса, Платон — сыном Аполлона, Пифагор — сыном Гермеса и т.д. Европейская культура знает немало образов героя-сверхчеловека, который, имея обычное, несверхъестественное и не возводимое к богам происхождение, как говорят сейчас, «сделал себя сам». Среди них можно выделить следующие типы: всемогущий творец-мастер, гений, каковых знала эпоха Возрождения, например Леонардо да Винчи; знаток тайн природы, ученый-маг, типа Фауста; герой-властитель, правящий людьми, странами, не прибегая к доводам морали или эмоций, руководствуясь исключительно рациональными мотивами, как, например, герои книги Н.Макиавелли «Государь». Это также могли быть сказочные богатыри или рыцари, побеждавшие сказочных драконов и чудовищ, вожди и цари, призванные выполнить какие-либо особые миссии в истории.

В отличие от героических лиц типа Моисея или Наполеона, «сверхчеловечность» которых определяется лишь преимущественным развитием определенной стороны их человеческой природы, к «сделавшим себя» можно отчасти причислить и святых, которые своими духовными трудами и подвигами добились не столько развития, сколько *преобразования* собственной природы. Однако если в вышеперечисленных случаях героев разного типа мы имели дело как бы с *символическим* сверхчеловеком, то в данном случае возникала особая ситуация, ибо здесь происходили определенные *онтологические* (наблюдаемые, хотя и не объяснимые) изменения. В самом деле, кости святых оказываются нетленны, вместо признаков тления их мощи источают благоухание; иными словами, здесь происходит как бы перерождение самой материи, она становится иной по составу, обретая бессмертие.

Ф.Ницше придал идее сверхчеловека в традиционной европейской культуре новое звучание, породив проблему не перехода или совершенствования, но внутреннего конфликта сверхчеловека с человеческим. Наряду с естественной феноменологией сверхчеловека, в культуре появилась, таким образом, и определенная его *идеология*. Представленный Ницше сверхчеловек был вызовом традиционному гуманизму и ортодоксальному христианству; созданный им яркий образ в сочетании с метафоричностью языка производили чрезвычайно сильное впечатление, поэтому, несмотря на то, что идейно-содержательную программу ему, по сути, заменял пафос и поэтический романтизм, осуждению критики подверглась именно сама идея ницшеанского сверхчеловека. В ней увидели богохульство и вызов общественной морали, однако не услышали при этом голоса глубокой боли и искреннего страдания. Неадекватная *философская артикуляция* поэтического замысла привела к тому, что героическая песнь была принята за философский манифест; а в результате и сама сложная фигура Ницше, и его противоречивая философия не были до конца поняты, но были окончательно осуждены общественным мнением, против «умеренности и аккуратности» (этих двух главных добродетелей вечных и повсеместных Молчалиных) которого в понимании человеческой природы он столь резко выступил. Современный Ницше гуманизм, в отличие от гуманизма Возрождения, утратил героический дух жизнеутверждения и в известном смысле богоборческий характер, усвоив христианское смирение. Ницше выступил против гуманистического сюсюканья по поводу человека, против снисходительного потакания человеческим слабостям, против того, что христианство, порицая гордых и независимых людей, лицемерно воспеваает слабых

и сырых, призывая подражать худшим, а не лучшим. Мыслитель протестовал против морали, ставшей лицемерной, против псевдолюбви официальной церкви. Это был и протест художника — против нарастания интуитивно ощущаемых им тенденций омассовления культуры (что, в частности, найдет потом свое конкретное воплощение в методах становящейся социологии и в ее практике нивелирующего реальную жизнь вычисления «среднестатистических» показателей) — становления безликого (среднестатистического) массового человека, приход которого будет позднее отмечен Х.Ортега-и-Гассетом и вслед за ним целым рядом исследователей, художников, критиков.

В сверхчеловеке Ницше человек делает нетерпеливое усилие обогнать самого себя, но целью оказывается не идеал развития, а желание самоутверждения. Однако сверхчеловек Ницше объявляет о том, что он завершает эволюцию, поскольку, начиная свой поход, он уже имеет определенную цель, иначе сам путь его становился бы бессмысленным. Эгоизм, жестокость, гордыня, вседозволенность — все могло считаться качествами сверхчеловека, если проявления этого качества принимали превосходящую обычные проявления форму. Но переступить границы еще не значит превзойти. Переступить через человека в себе или в другом еще не значит стать сверхчеловеком.

Однако Ницше объявлял своего сверхчеловека и высшим метафизическим свершением. При этом дух подобного сверхчеловека, при всей его напряженности, как бы замыкается в себе, утрачивая связь с родным ему высшим началом, сверхчеловек, переставший быть человеком («преодолевший его в себе»), оказывается в оппозиции и ко всему остальному миру. И если высшие стремления духа в человеке есть проявление в нем Бога, божественного начала, то самоцельное культивирование эмоций и инстинктов, способное разделить людей, есть одновременно удаление от Бога.

Подобная безрелигиозная (и бездуховная в истинном смысле) метафизика, опирающаяся на иррационализм и этический волюнтаризм и пропагандирующая культ сильной личности без человеческих привязок и моральных норм, породила возможность *уплощения* самого понимания сверхчеловека, и этот «посыл» был четко уловлен массовой культурой, заполнившей свое пространство разнообразными — от достаточно художественных до откровенно примитивных и пошлых — пародиями на ницшевского сверхчеловека. Его маскультовские версии, изображающие современного супермена, чуждого всяческим обязательствам перед Богом и людьми, никому не подотчетного и свободно парящего в пространстве без Неба, дискредитировали саму проблематику сверхчеловека, сведя разговор о ней лишь

к сфере физических проявлений на «нуле» идейных оснований. В конце концов, масскультовский супермен — от графа Монте-Кристо до агента Джеймса Бонда и прочих Бэтменов — это всего лишь олицетворенная мечта рядового обывателя, обычного массового человека о своих неимоверно «возросших» по количественным показателям возможностях.

В свою очередь, для ортодоксального христианства сверхчеловеком является Иисус Христос (в частности, так он именуется у представителя патристики Псевдо-Дионисия Ареопагита). В некоторых религиозных течениях сверхчеловеком становится и тот, кто через Христа, следуя его жизни как алгоритму поведения, пришел к богоподобию. С религиозной точки зрения современное масскультовское суперменство предстает всего лишь формой неоязычества. Хотя религия отнюдь не отрицает значение воли человека и его желания в деле собственного преображения.

В то же время ницшевская идеология сверхчеловека по духу (а не по факту) не столь уж далека от исходного христианства как достаточно суровой религии: Иисус Христос дает парадигму вхождения в Царство Небесное, однако сам этот путь доступен только тем, кто в известном смысле способен превзойти, переделать себя. Духовно-психологическая методология сверхчеловека, развитая в религии, была не менее нетерпима к «человеческому, слишком человеческому»; однако ницшеанство предлагало иной идеологический вектор: его сверхчеловек был все-таки человеком количественного превосходения, «дававшего» ему власть над обычными людьми. Идеологическим же вектором религии было раскрытие божественной, вечной стороны человеческой природы, способной к восприятию истинного света и истинного знания. Ницше тоже указывал путь, но и цель его, и средства определялись тем, что взор его был обращен не в небо, но, по выражению С.Цвейга, настойчиво и упорно устремлен в бездну. Поэтому и статус сверхчеловека христианством и ницшеанством «набирается» в разных метафизических пространствах.

Многообразие различных путей, ведущих к сверхчеловеку, и сама настойчивость поисков в этом направлении говорят о том, что причина их лежит достаточно глубоко: в неясном ощущении человеком своей неизвестной самому ему собственной глубинной природы, тайны его возникновения на Земле. Человек ощущает свою актуальную неполноту, свое несовершенство, в своих религиях создает образы богов, выступающих идеальным воплощением его представлений об идеале. Откуда это смятение духа? Ради чего свершается сам путь? Чего ищет человек помимо того, что уже дано ему Богом? Ответ на

подобные вопросы способен прояснить и предназначение самого человека, и смысл человеческой жизни, если будет известна ее высшая цель. Однако и в вопросе определения цели существует расхождение.

Так, например, конечной целью может быть признан новый человек будущего, гармонично развитый физически и нравственно-духовно, движимый высшими мотивациями (метамотивациями, по А.Г.Маслоу³) и стремящийся к реализации высших потребностей (метапотребностей, таких как знание, творчество, истина, красота). Эта социокультурно и гуманистически привлекательная модель тем не менее означает предъявление повышенных требований прежде всего к самому обществу, ибо общество, в котором не востребованы подобные качества, не может способствовать появлению большого числа людей, обладающих такими качествами. Кроме того, у гуманистической (идеализирующей) модели есть и другие недостатки.

Так, для движения вверх нужен прежде всего четко осознаваемый (мысленно постулируемый) вертикальный вектор движения. В свое время подобный вектор восстановил Платон. Он как бы ответил и на утверждение Протагора «Человек есть мера всех вещей», и на замечание по этому поводу Сократа, добавившего «Человек как мыслящий есть мера всех вещей», — своей формулой «Бог есть мера всех вещей, и мера наивысшая», предложив тем самым истинный масштаб оценки и вещей, и человека. Все-таки не сверхчеловек, а Бог сообщает истинную меру и смысл человеческого и то реальное место, которое занимают в этой системе и человек, и сверхчеловек — каков бы он ни был.

Это обязательное введение некоей абсолютной точки отсчета, необходимой для построения и оценки системы, которая не хочет оказаться ложной или мнимой. Если же, как говорил Н.А.Бердяев, человек сам себя признаёт венцом творения и образцом для подражания, он неизбежно будет инволюционировать, утратив эту истинную меру. Человекобог Ницше в принципе не оппозиционен подобной перспективе, просто, в отсутствие вертикали, они находятся на разных полюсах, но — одной и той же *горизонтали*. Истинная же линия другая. Это Богочеловечество В.С.Соловьева как человечество, достигшее высшей точки своего развития, воплотив идею цельного человека в полноте своего исторического осуществления. При этом В.Соловьев преодолевает ограниченный духовно-этический антропоцентризм человека без Бога во имя синархии, синергийной иерархии, объединяющей человека и Бога на общей основе подлинной духовности; развитие мира на чисто человеческом основании даст человекобога (ницшеанского типа), но не Богочеловека, а это, по мнению Соловьева, разные типы бытия⁴.

Человек *как он есть* — не предел и не вершина духовной эволюции. Недаром при указании сверхчеловеческих возможностей человека неизменно присутствует выше уже упоминавшееся нами указание на божественное происхождение героя или какой-либо иной знак божественного к нему расположения. В культуре должна быть идея высшего человека, но не в понимании Ницше, а скорее так, как об этом говорит большинство религий.

Чтобы признать наличие у человека сверхчеловеческих качеств, необходимо освящение его ореолом божества, которое как бы легитимирует проявления сверхчеловеческого. Иной вопрос, какое божество выбирается «для отсчета»: языческое ли божество античного Олимпа, человекобог Ницше или трансцендентный Бог христианства, или же это символическая точка достижения, свершения, как Будда в буддизме. Встретил Будду — убей Будду, — гласит одна из буддийских заповедей; это подразумевает, что нет предела достижения человека, он не должен привязываться к достигнутому им: достиг — иди дальше, и так без конца — от Будды к Будде. И сколько раз ты встретишь его, столько раз его и убей... (Нельзя не отметить, что здесь к символу достижения примешивается и доля враждебности к «преодоленному» божеству. Единственная возможность не убить Будду — это разминуться с ним).

В любом случае, это неизменное присутствие — явственно вводимое или незримое, подразумеваемое — фигуры Бога как истинного масштаба для оценки всех величин данной системы, как точки отсчета, как организующего центра всей системы, без которой система не устоит, оказывается обязательным: по сути вся идеально-символическая, нравственно-этическая, культурно-ценностная линия развития проблематики сверхчеловека связана с представлением о Боге. Ведь совершенно разные сверхчеловеки возникают, с одной стороны, в парадигме *с Богом*, в парадигме устремленности к идеалу, и, с другой стороны, в парадигме *без Бога*. Так Ницше, идеология сверхчеловека у которого выстроена на утверждении мира, в котором человек сам для себя бог, — провозгласил: Бог умер. Значит, Его больше нет... А раз Бога нет, то все дозволено, — отзываются разнообразные «бесы», выведенные Достоевским в целой галерее образов его странных героев: Смердяков в порыве жалкого самоутверждения убивает отца; Раскольников, поставив себе вопрос — тварь я дрожащая или право имею, — решается на убийство старухи-процентщицы. Она для Раскольникова оказывается как бы его персональным Буддой, той чертой, которую он должен переступить, чтобы утвердиться в своей полной свободе. Это *его* символ утверждения в себе сверхчеловека: каждый выбирает себе порог по росту...

Возвращаясь к гуманистической линии, следует также сказать, что она, взятая в ее абстрактном виде, делает акцент на личном психологическом усилии по интегрированию собственной личности; так, Маслоу, декларирующий себя как представитель и даже основоположник гуманистической психологии, в отличие от психоаналитической традиции З.Фрейда, с одной стороны, и позитивистской психологии, с другой, утверждает, что психологически сверхчеловек — это человек, который привел в равновесие свое сознательное и бессознательное, человек, который не боится своего бессознательного и умеет сознательно и добровольно регрессировать в него. Современная массовая культура полна примеров подобной добровольной регрессии в бессознательное, но это отнюдь не способствует массовым человекам в их превращении в сверхчеловеков. Кроме того, почему отдается предпочтение регрессии в бессознательное, а не восхождению в сверхсознание? Это не только более логично, но и имеет «прецедент» в традиционных духовных практиках, где сознание человека рассматривается как некая проекция в нем бесконечного сознания вселенной, отчего человек и ощущает свое глубинное единство с миром. Как правило, методику выхода в сферу сверхсознания (или Высшего начала, или Бога) предлагают, на разной основе, религиозные системы, а также различные школы медитации (в частности, трансперсональная медитация).

В этом направлении мы видим два основных пути, которые предлагают человеку Восток и Запад. Если европейская традиция в основном ставит проблему сверхчеловека в идеально-символической плоскости, то Восток и большинство религий говорят об онтологическом преобразении самой природы человека в сверхчеловека, будь то святой или йогин. В йоге, например, человек, как он есть, считается незавершенным существом, которое потенциально наделено множеством скрытых сил; их следует пробудить и развить с помощью особых упражнений и психотехник. При этом знание способов работы с телом и сознанием было привилегией высшей касты — брахманов. Существующие в буддизме, дзэн-буддизме, даосизме религиозные практики и соответствующие им психотехники (ортопраксия) помогают человеку постепенно, план за планом «отработать» все уровни его существа, начиная с физических уровней и заканчивая высшими духовными. Отработав один план, ученик поднимается к следующему и отработывает уже его. Поднявшись на высший уровень, адепт достигает перестройки сознания и научается выходить в состояние просветления, где ему открываются тайны бытия и истины мира. Рамакришна, признававший все

религии и прошедший последовательно все пути, предлагаемые ими для развития сил и способностей, считал, что это переживание состояния просветления, самадхи, становящееся шагом к сверхсознанию, является сущностью всех религий.

Христианство не использует подобной техники. Оно, пренебрегающее физическими уровнями и полагающее плотскую природу человека греховной и не заслуживающей усилий, основное внимание уделяет учению (ортодоксия) и сразу обращается к Богу, сразу устремляется за благодатью. Поэтому часто христианские святые, у которых не «отработаны» нижние планы, испытывают искушения бесами и видениями, осложняющими их продвижение и вынуждающими фактически вести постоянную «битву в пути». Человек одновременно идет вперед, к Богу и благодати, и в то же время продолжает сражаться с темными силами у себя в «тылу». Не мир, но меч предлагает в этом смысле Иисус Христос; при этом меч понимается как тонкий инструмент различения, разделения, понимания. Идеология пути христианства во многом содержится в Новом Завете, где показано, что разделяет людей не истина, а боязнь ее. Разделив в известном смысле плоть и дух, христианство «согласилось» со смертностью плоти, но показало, как духовным усилием человек может «структурировать» свою душу, чтобы сделать ее бессмертной. Давая парадигму *становления* сверхчеловеком, Иисус Христос принес суровую религию усилия, которым «берется Царство Божие». При этом получаемая сила как бы пропорциональна приносимой жертве. Тот, кто сможет пожертвовать всем, сможет достигнуть всего. Абсолютная жертва Христа дала ему абсолютную силу Искупления и Воскресения. В своем суровом пути христианство отбрасывает многие из тех сторон человеческой природы, которые с удовольствием принимает и развивает абстрактный гуманизм.

Итак, сверхчеловек может пониматься как некий качественно иной уровень развития человека, как становление инокачественного существа, что предполагается в религиозных практиках, или же накопление количественного развития, усиления возможностей, которое предлагает гуманистическая психология. Между этими двумя типами сверхлюдей такая же разница, как между метафизическими богами, с одной стороны, и высокоразвитыми инопланетянами (находящимися на более высоком уровне развития цивилизации) — с другой. Или между бесстрастным и целостно-беспольным Буддой — и многофункциональными и столь же бесстрастными и беспольными роботами-антроподами.

Во всяком случае, путь к сверхчеловеку в любом из смыслов включает в себя так или иначе понимаемое совершенствование, которое может достигаться разными способами. Само по себе совершенствование, развивающее жизнь во Вселенной, может быть осуществлено через две онтологические парадигмы. Согласно первой, существо может совершенствоваться само в себе через собственные непрерывные внутренние улучшения. Это случай, когда особь и вид совпадают. Вид развивается через представленность его в этой особи, которая способна к бесконечному развитию и потому бессмертна. (Не исключено, что подобные существа, как предполагают ученые, до сих пор обитают в глубине океанов; но даже при отсутствии достоверных конкретных данных на этот счет подобная форма принципиально возможна — во всяком случае не менее возможна, чем обсуждаемое нами бессмертие.)

Вторая парадигма, по которой идет развитие всех современных форм жизни на Земле, предполагает совершенствование, осуществляющееся через смену поколений, которые, накопив положительные изменения, передают их следующим поколениям и отмирают, уступая им место. Чтобы ускорить процесс совершенствования вида, вводится механизм отбора, когда право на воспроизведение себя получают лучшие особи. Для этого прежнее единство особи (условно говоря, андрогин) разделяется на две разнополюх половины, избирательность которых отныне призвана обеспечивать отбор и наследование лучших качеств в последующих поколениях. Смена поколений означает введение механизма смерти. Иначе говоря, где появляется пол, там появляется смерть. (Вот почему, в частности, проблематика пола и связанных с ним переживаний и соблазнов практически отрицается христианством, ориентированным на бессмертие.) Чтобы, тем не менее, развитие не прекратилось и взаимная тяга противоположных начал не ослабевала, существует, в свою очередь, механизм любви (эволюционной целью которой и является отбор для ускоренного совершенствования). Если инстинкт отбора индифферентен в определении лучшего и худшего или устремлен к худшему и слабейшему, результатом становится выживание.

Итак, любовь и смерть — две стороны одного явления, имя которому пол. «Ибо крепка, как смерть, любовь...», — говорится в «Песне песней». Любовь раскрывает для человека полноту мира, и ужас смерти покидает его, он понимает смысл круга возрождающейся жизни. Можно сказать, что всепоглощающее чувство любви призвано выступить сладким прикрытием, затушевывающим горечь осознания неизбежной смерти, и воспетая в культуре сила этого чувства призвана

заглушать голос рассудка, понимающего тщету земных усилий. Ведь часто жизнь, путь которой состоит из шагов смерти, нельзя ни понять, ни объяснить исходя из нее самой; смысл ее скрыт где-то — в будущей жизни или, может, нигде. Развитие, по словам Н.А.Бердяева, превращает каждое человеческое поколение, каждого человека фактически в средство и орудие для окончательной цели — совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никому из поколений предшествующих места не будет⁵.

И потому человек всегда искал возможности избавиться от смерти, сохранить индивидуальную жизнь, сохранив в то же время и возможность совершенствования вида. До сих пор учеными разных направлений, а не только эзотериками, выстраиваются порою экзотические гипотетико-альтернативные идеи развития человека и человечества, должны согласовать данные наук о развитии Земли и религиозные представления о сотворении Мира, достижения самого современного научного знания и догадки о происхождении жизни в Космосе и возникновении человека на Земле⁶.

Фактически все развитые религии говорят о том, что вначале существовало Единое, в котором содержалось все; будучи абсолютным, оно пребывало неизменным и без движения. Затем это единое разделилось в себе (в разных религиозно-эзотерических учениях это небо и земля, божественный супруг и божественная супруга, энергии инь и ян, и т.д.); характер и действие этого разделения остаются загадкой, ибо предполагают его искусственный волевой характер. Зато результат предсказуем: как говорится в Библии, дом, разделившийся в себе, не устоит. Разделение Единого было не только путем порождения всего остального многого, но и путем к смерти всякого отдельного. Возможность неподвижного и целого Единого развиваться и проявляться в живых формах реального существования была оплачена неизбежностью смены этих форм.

Итак, многочисленный материал теорий, наблюдений и гипотез о происхождении и развитии жизни на Земле позволяет выделить возможность существования двух путей, какими осуществляется движение совершенствования: совершенствование внутри одного организма (андрогинный путь, механизм *внутреннего* развития), и совершенствование через последовательное накопление изменений в сменяющих друг друга поколениях (путь пола, когда механизм развития как бы перемещается наружу, становится *внешним*). Мифы об андрогинности первоначального человека не лишены определенных оснований. Как говорится в Библии, «и сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину со-

творил их». Как полагает в частности Дж.Кэмпбелл, этот первый человек, безусловно, был двуполым. Адам был андрогинном до того момента, когда его женский аспект, Ева, был изъят из него и помещен в другую форму⁷. Говоря современным языком, можно предположить, что земные Адам и Ева (условно говоря, первый земной мужчина и первая земная женщина как конкретный вариант гипотетической практики космической панспермии) были созданы путем эмбрионального (частичного) клонирования⁸ и вследствие незапланированного «грехопадения» через условное яблоко с древа познания («не трогайте с этого дерева — чтобы не умереть вам») узнали об этом. Поняв, кто они, и зная, что боги могут *создавать* любых клонов, но породить себе подобных могут только живые — однако поплатившись за это смертностью, — они вынуждены были покинуть Эдем бессмертных, являвшийся местожительством богов-экспериментаторов. Таким образом, с одной стороны, разделение на разные полы, о котором узнали Адам и Ева, означало запуск механизма смерти, с другой стороны, их знание благодаря плоду с древа познания, определенное как грех, означало конец монополии богов на управляемое «человекопроизводство».

Двуполым был и Эрос, божество любви. Амбивалентным в половом отношении является и эмбрион, который только впоследствии начинает развиваться по какому-то одному из двух равно возможных вариантов. Андрогинный эмбрион (пока «не разделился в себе», т.е. не определился с полом) в принципе совершенен и бессмертен. На этом основан один из современных способов оздоровления путем введения стволовых клеток зародыша, что как бы иницирует, насколько это возможно в неадекватных условиях, действие модели самопорождения, стимулируя внутренний органический процесс оздоровления и омоложения (самовосстановительные процессы, т.е. «самосовершенствование»). Двойственная природа зародышевой клетки обеспечивает внесение в организм субстанции бессмертия.

Подобным знанием о связи энергий пола и бессмертия располагали представители древних эзотерических ветвей, например в даосизме, в котором разработана специальная практика направления внутрь сил инь и ян для запуска механизма своеобразной «внутренней алхимии»; соединение инь и ян как «вечный двигатель» поддерживает жизнь индивида, самозапуская процессы самовосстановления в нем и как бы имитируя воссоединение вида в одну особь, не нуждающуюся во внешнем разделении функций ради совершенствования. Подобный трансмутационный путь внутренней органической жизни, естественно, имеет свои ограничения, ибо накапливаются ошиб-

ки, сбои и погрешности в функционировании систем, и потому такое существование не может быть в полном смысле бессмертным. А поскольку бесконечно клонировать бессмертную двуполоую особь, очевидно, невозможно, то и был избран по-своему автономный путь порождения живого живым, существование которых, в принципе, может длиться столько, сколько времени образующие вид особи способны соблюдать разумные правила поведения на Земле, чтобы самим не погубить себя.

Тем не менее примеры появления людей иной природы — не только трансмутировавших, как святые или «даосские алхимики», но и имеющих *иное порождение*, — известны на Земле. Таковым считается уже упоминавшийся Будда. В буддизме, возникшем как монашеский орден, как и в христианстве, которое даже в одеянии своих монахов подчеркивает их внеполость⁹, равным образом содержится некий отказ от пола (который неразрывно связан со смертью): Иисус Христос, отрицнув соблазны пола, идет к стяжанию духовного бессмертия; двуполоый Будда, не нуждаясь во внешнем стимуле развития, идет к физическому бессмертию. В таких религиях, как иудаизм и ислам, также сохраняется несколько пренебрежительное отношение к полу. Половая энергия должна быть подчинена интересам эволюции — как внешней, так и внутренней, индивидуальной, в которых создается новая природа тела и новое качество сознания. Трансмутация половых энергий в энергии высшего порядка порождает, согласно буддизму, новый биологический тип человека, непосредственно создавая новую его онтологию, в то время как в христианстве новая онтология становится результатом духовного преображения, достигаемого обращением к Богу.

Прежде всего сам Будда есть новый биологический тип. История сохранила подробное описание тела Будды, сделанное специалистами и включающее в себя так называемые «тридцать два знака Будды» и «восемьдесят малых знаков». Среди них¹⁰ наличествуют такие, которые позволяют заключить, что реально человека, обладающего одновременно всеми этими признаками, просто не может существовать. Очевидно, это был либо действительно совершенно новый тип человека («пробный шар эволюции»), либо (что можно предположить, исходя из человеческих обыкновений) просто невиданный человек, которого окружающие не замедлили признать богом, преувеличив его особенности. Следует отметить, что на Востоке принято считать всякую аномалию не столько патологией, сколько указанием на особую роль данного человека. Так, например, китайский император Сунь родился с двумя зрачками в каждом глазу, что

было сочтено за особый знак власти, дарованной этому человеку небесами; Лю Бан, основатель династии Хань, имел на левой ноге 72 черные родинки, которые также были сочтены небесными метками, дававшими ему право на управление страной; также по китайской традиции у императора должно быть 36 зубов, у первого министра — не менее 34. И т.п.

В то же время Будда никогда не признавался Богом в истинном смысле слова; он был «только» сверхчеловек, при этом каждый мог при определенных условиях сам стать буддой. (И их было столь много, что могло родиться и существовать упоминавшееся изречение: встретил Будду — убей Будду. Конечно, это всего лишь означало символ *бесконечного* пути совершенствования. Но, с другой стороны, такое выражение могло возникнуть, только если будды встречались не столь уж редко.)

Будда, безусловно, знавший законы связи пола и эволюции, считал, что половое воздержание является первым условием трансмутации половой энергии в энергию совершенствования. Здесь христианство и буддизм близки, но если христианство в основном подавляет или изолирует сублимирует половые энергии, то буддизм переводит их по законам внутренней алхимии в другое качество, обеспечивая энергетический ресурс индивидуального продвижения. Общая причина отрицания пола имеет в то же время, благодаря различиям в западной и восточной, условно говоря, метафизике, и разные следствия, разный объект бессмертия и разные картины будущей жизни. Однако и христианство, и буддизм утверждают, что и нирвана, и Царство Божие — внутри нас. При этом буддизм выглядит как бы более автономным в этом плане, ибо, во-первых, целостно-неразделенная природа Будды, его врожденная двуполость позволяет ему совершенствоваться путем направления половой энергии внутрь организма, что постоянно возобновляет в нем новую жизнь, способную к постоянному обновлению и не зависящую от преходящих внешних обстоятельств; во-вторых, идеология буддизма основана на освобождении от желаний, которые, в свою очередь, порождают страдания. При этом полностью освободиться от страданий можно, только перестав в полном смысле жить, т.е. впад в состояние условной жизни, нирваны.

В буддизме и даосизме используется традиционный для Востока способ постепенного подъема энергии. Энергия из «нижнего поля киновари» (первого из наличествующих трех) утончается, возгоняясь в более высокое «поле», и т.д. Алхимией эта практика называется потому, что, как и в практике обычных алхимиков, производящих операции символического характера в веществе, подобные же операции

могут быть осуществлены в живых существах. Как золото алхимиков есть символ Царства Небесного в христианстве, так порядок сознания, достигаемый в результате последовательной возгонки энергий и изменения вследствие этого химической (вещественной) составляющей мозга, становится предпосылкой достижения нирваны. Даосский или буддийский алхимик получает замершую плоть и успокоенное, растворенное в порядке мира сознание. То есть перерождение плоти как изменение общего гормонально-секреторного статуса функционирования физического организма завершилось и изменением духовного состояния (как результата деятельности этого нового организма).

В христианстве, как уже говорилось, прежде всего перестраивается дух в результате задействования канала связи с Высшим началом. И затем преображенный дух порождает преображенную плоть. Иными словами, изменение идет в другом направлении; выражаясь современным языком, вещество плоти перерождается в результате изменения информационно-программного способа подключения (к сверхсознанию или высшему началу). Управление всегда идет с высшего уровня, и поэтому дух открывается Богу, и затем дух уже перепрограммирует тело.

Представляется, что попытка сделать бессмертным и человеческое тело — это стремление восстановить ту гармонию, о нарушении которой говорил еще Г.Р.Державин: *«Я телом в прахе истлеваю, / Умом — громам повелеваю...»* Трагическая двойственность двух природ человека, несоответствие великого и малого в его душе, порождаемого осознанием этого несоответствия, всегда составляли истинную казнь и Голгофу каждого. Восток, не знающий непримиримости противоречий, решающий подобные проблемы с помощью введения принципа их дополнительности, тем самым предлагает своеобразную языческую парадигму преодолеть эту Голгофу — сделать бессмертной и физическую природу человека, вынеся решение проблемы за ее скобки вообще: нирвана как способ бессмертия, достигнутый ценой отказа от жизни в ее земном смысле. Чтобы стать бессмертным, надо умереть при жизни.

В то же время, правомерно задать вопрос, а что есть бессмертие для человека? *Цель* его усилий по собственному развитию или бесконечно протяженный *путь*, дающий *возможность* достичь и вместить полноту реализации всех потенций, заложенных в неизученной до сих пор природе человека? Или это *характеристика* сверхчеловека, как бы показатель его перерождения и «качественной» принадлежности к сверхтипу? А может быть, награда? Миф о Пифагоре гласит, что Гермес, сыном которого он считался, предложил Пифагору выбрать себе

все что угодно, но — кроме бессмертия. Сам Пифагор связывал божественность с бессмертностью: «Если же тело покинув, в эфир придешь ты свободный, станешь богом бессмертным»¹¹. Мысли о бессмертии играют для человека не последнюю роль. Бессмертие способно придать смысл всем усилиям человека, самой его жизни, его трудам, оно сохранит накопленный опыт и знания, оно способно восстановить равенство и «справедливость» между разными во времени поколениями. Бессмертие — это и условие, и смысл совершенствования. Бессмертие позволяет человеку стать *соразмерным* бесконечному миру (которому он подобен), бесконечному в том смысле, что в каждой его точке возможно множество равноправных (но разных) путей развития, которые, в случае бессмертия, человек сможет пройти все.

Две разные модели бессмертия, разработанные христианством и буддизмом, позволяют представить две символические картины будущего — Царство Небесное ушедших в духовное бытие, где разрешены все проблемы и нет страданий, и Нирвана, где поддерживается призрачное существование людей, чье сознание растворено в сверхсознании вселенной: они бессмертны как атомы бессмертной жизни, но и, как атомы, лишены индивидуальности.

В то же время ситуация уже *достигнутого* бессмертия как бы перестает требовать усилий, совершенствования. Подобная возможность сообщает совершенствованию как бы количественный характер, просто это количество становится безразмерным, ибо длительность жизни продолжена в бесконечность. Качество сверхчеловека перестает что-то значить. Он перестает быть собственно сверхчеловеком, он становится обычным человеком, но сверхдлительно живущим. Действительно, о сверхчеловеке можно говорить только в том случае, когда есть просто человек, в обществе сверхлюдей сверхчеловек становится нормой. Иными словами, складывается новая цивилизация новых людей, которая требует новых регулятивов и идеалов, чтобы вновь обеспечить движение развития. Однако в достижении состояния сверхчеловека нет автоматизма. Человек должен стать готовым принять сверхчеловека в себе. Сверхчеловек — это одна из возможностей, лежащих в глубине его души. От самого человека зависит, как отнестись к этой идее и этой перспективе — приблизиться или отдалиться.

Таким образом, возвращаемся к уже ранее поставленному вопросу: зачем все-таки человек выработал саму идею сверхчеловека и постоянно возвращается к ней — разными способами, на разных основаниях, в разных интерпретациях ее содержания? При этом нужен не идеал человека — который как бы ни был хорош, все-таки остается

смертным, — а именно сверхчеловек. Иными словами, человеку нужна не сколь угодно превосходящая степень наличного состояния, но именно переход к *новому состоянию*, в котором можно получить ответ на вопрос, зачем человеку дана жизнь, зачем он Космосу, с какой целью создана им разумная жизнь?

Все религии имеют в своем центре Бога, Высшее начало или божество (в языческих культах), ибо все они отголоски единого древнего эзотерического знания о возникновении жизни на Земле и об истории земного человечества. Отдельные, порою искаженные сюжеты или мотивы этого знания отражены в культах, обрядах, мистериях. Считается, что сверхчеловек — это тот, кому открывается это цельное знание, кто готов его вместить. Подготовкой для этого всегда были обряды посвящения, имевшие разное содержание, но одинаковый смысл в разных религиях.

Итак, сверхчеловека должно прежде всего характеризовать *новое сознание*, новое мышление, позволяющее вместить в себя всю полноту открывающейся сверхсознанию истины, охватить всю бесконечность мира. Для этого человеческий ум должен быть освобожден от тех ограничений в познании, которые налагаются формами чувственного восприятия (которые часто обманывают вследствие субъективных особенностей и искажений) и логическим мышлением (которое упрощает действительность до схематических оппозиций). Человек должен узнать, что мир в вариациях его развития бесконечен, ибо в каждой его точке скрыт пучок полифуркаций, способных стать направлениями возможного развития. Познаваемая им истина вырастает вместе с процессом раскрытия мира его расширяющемуся сознанию. Развитие человека в сторону такого более высокого сознания, т.е. эволюция человека к сверхчеловеку, не происходит автоматически, она требует от человека сознательных действий (как естественным может быть только беспорядок, поддержание же порядка требует усилий, так и бессознательно может происходить только вырождение). Эволюция сознания — истинная ценность и цель развития человека, ибо сознание в его полноте и открытости сверхсознанию — только человеческий феномен.

Сверхсознание, превосходящее обычное человеческое сознание, может достигаться особым образом жизни, комплексной системой специальных усилий, упражнений или спонтанно открываться в результате достижения особых состояний сознания при использовании определенных психотехник. Закрепление качества сверхсознания означает умение превращать это достаточно редкое и случайно возни-

кающее или на время достигаемое явление — состояние спонтанности — в «рабочее» состояние, направленно вызываемое и управляемое, т.е. постоянно действующий фактор общения с миром.

Спонтанность — не только сама по себе есть возможность прорыва в творческое состояние, но и неразрывно связана с творчеством во всех его проявлениях. Овладение спонтанностью позволяет человеку задействовать весь ресурс своего творческого потенциала. И несомненно, что новый человек — это человек *творческий*, способный творить себя и свои отношения с окружающим. Своей целостной природой он соединяет небо и землю, питая от этих разных источников свою способность к совершенствованию и свою творческую силу. Сверхчеловек — это до конца раскрытая и полностью реализованная *истинная* природа человека.

Таким образом, сверхчеловек предстает как *новый тип* человека, способный выстроить *новый тип отношений с миром, новый уровень взаимодействий* с ним на основе знания и себя, и мира. Именно непонимание (незнание) себя, с одной стороны, и непонимание (незнание) мира — с другой, истолковывалось как главное препятствие для человека на его пути к совершенствованию в разных религиозно-эзотерических учениях, к которым восходят все отдельные религии, переосмысливающие единое древнее знание с позиций конкретного времени, культуры, потребностей эпохи и общества, соответствующих духовно-ментальных условий.

Современный цивилизационный контекст складывается таким образом, что эта, на первый взгляд, достаточно отвлеченная проблема, проблема сверхчеловека, становится по-новому актуальной в XXI веке. Человеку на уровне овладения современными знаниями и технологиями как бы предлагается на выбор несколько вариантов достижения возможного бессмертия. Это может быть, например, так называемый гормональный сверхчеловек; получающая ныне все большее распространение практика инъекций стволовых и зародышевых клеток позволяет вспомнить «алхимию» даосов, когда осуществляется внутреннее взаимодействие энергий инь и ян. Как уже говорилось, человеческие зародышевые клетки какое-то время амбивалентны в половом отношении, и введение их в организм в некотором смысле представляет собою микромодель той парадигмы совершенствования, когда оно объединяет в одном организме особь и вид. Представители современных эндокринологии и гормонологии, как истинные последователи Будды, с помощью направленной деятельности желез внутренней секреции организуют работу систем организма так, что за счет стимулирования замкнутого энергетического цикла организм сам возобновляет, восстанавливает, возрождает себя.

Другим вариантом является инженерно-технологически выстроенный человек; встроенный (вживленный) чип позволяет значительно повысить память, работоспособность и другие его характеристики. Это может быть и так называемый киборг, т.е. гибрид человека и машины, являющийся комбинацией биологического мозга, обладающего гибкостью и неординарностью внутренних ассоциативных связей, с надежностью и возобновляемостью искусственных технических приспособлений, обеспечивающих феноменальное быстродействие и свободу от «внесемантических» мотиваций разного рода, свойственных живому человеку. Это, наконец, может быть вариант генно-инженерного человека, освобожденного от «ненужных» программ и управляемого внешними по отношению к нему «нужными» программами.

Идеология подобного превращения человека, который сам, в силу деформаций психокультурного контекста выступает сторонником собственного ухода со сцены жизни, представлена, например, фигурой героя «сказки» К.С.Льюиса: «В человеке органическая жизнь произвела Разум. Она сделала свое дело. Больше она нам не нужна... И мы избавимся от нее. ...Мы создадим стерильный мир. Чистый разум, чистые минералы, больше ничего. Что унижает человека? Рождение, соитие, смерть... Мы сумеем освободить его от этого»¹². Но в результате будет построен идеальный мир постдействительности, свободный от органического «мир чистоты»? Да. «Голый камень, ни травы, ни лишайника, ни пылинки. Даже воздуха нет. Ничто не портится, не гниет... Мы победим смерть, другими словами, победим органическую жизнь. Мы выведем из этого кокона Нового человека, бессмертного, свободного от природы. Природа была нам лестницей, и мы ее оттолкнем»¹³. Если эти варианты показывают путь от служебного человека-функции к не-человеку и затем к постчеловеку, то виртуальный человек, возможность которого также нельзя полностью отбрасывать, может означать превращение человека в информационную матрицу, что становится реализацией считавшихся ранее фантастическими сюжетов. Совершенно очевидно, что подобный технический «сверхчеловек» отнюдь не означает эволюцию человека как вида, но являет лишь развитие техники и вырождение собственно человека.

Имеется, однако, и иная программа выведения сверхчеловека. Это комбинированная система, объединяющая успехи генетики, поиски евгеники, клонирование, трансплантацию, методики эмбриональной восстановительной терапии и специальные методики физического и умственного развития (комплексная программа, осуществляемая лишь для избранных). Это, по сути, формирование сверхчеловека для «эли-

ты будущего». Он может стать практически бессмертным благодаря производимой по мере надобности пересадке органов от собственных клонов, генетической блокировке гена старения, нейтрализации накопления сбоев в работе организма, а также в результате предварительной генетико-эвгенической работе с эмбрионом. Это будут своего рода новые бессмертные боги.

Подобная программа оживляет образы нищепанского сверхчеловека, человекобога, «белокурую бестию». Вспомним к данному случаю пророческую фразу из книги братьев А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер», где они как бы предвидят складывающуюся в современном глобализирующемся мире ситуацию: «Человечество будет разделено на две неравные части... по неизвестному нам параметру., причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую...».

Для того, чтобы закрепить подобное положение, новая элита¹⁴ не только должна обеспечить себе реальную возможность «форсированно обогнать», но и позаботиться о том, чтобы так осталось «навсегда». Эти две встречные программы — форсированного развития меньшинства и фактической нейтрализации большинства — опять же даны у К.С.Льюиса: «Прежде всего стерилизуем негодные экземпляры, уничтожаем негодные расы (на что нам мертвый груз?), налаживаем селекцию. Затем вводим истинное образование, в том числе — внутриутробное. Истинное образование уничтожит возможность выбора. Человек растет таким, каким нам надо, и ни он, ни его родители ничего сделать не могут. Конечно, поначалу это коснется лишь психики, но потом перейдет и на биохимический уровень, будем прямо управлять сознанием...»¹⁵. Практику управления сознанием и прямого манипулирования им в массовой культуре и различных ее формах мы наблюдаем уже сегодня.

В условиях этого формирующегося на наших глазах нового глобального тоталитаризма современного типа проблема сверхчеловека оказывается, таким образом, отнюдь не умозрительной, но актуальнейшей и перемещенной в практическую плоскость. На роль некоего коллективного супермена претендует целое государство. Искушения образом сверхчеловека нищепанского толка мы наблюдаем и в идеологии терроризма, который, с одной стороны, должен убедить нас, что альтернативы выстраиваемому новому порядку нет, с другой — явить нелегитимность любого иного несанкционированного суперменства.

В заключение остается констатировать, что человек по-прежнему остается самой большой загадкой во Вселенной. Ошибка ли он природы, ее болезнь или грандиозный эксперимент Космоса, — в

любом случае идея превосходения человека в сверхчеловеке, сама проблематика сверхчеловека, присутствующая в культуре, указывают на то, что он далеко не исчерпал спящие в нем потенции. Возможно, само предназначение человека — в творческом освоении этих своих ресурсов и перевод эволюции из естественной вялотекущей в сознательно программируемую и направляемую самим человеком, который примеряет на себя разные ее парадигмы.

Примечания

- ¹ Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993. С. 132.
- ² Там же. С. 136.
- ³ См.: Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. С. 313—350.
- ⁴ Соловьев Вл. Оправдание добра // Соловьев Вл. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 273.
- ⁵ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 147.
- ⁶ См., например: Элфорд Алан Ф. Боги нового тысячелетия. М., 2002; Хэнкок Г. Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. М., 1997; Ситчин З. Назад в будущее. Хроники человечества. М., 2004, и др.
- ⁷ См.: Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами. Киев, 1997. С. 116.
- ⁸ В частности, ряд исследователей предполагает, что клонирование было произведено пришельцами с десятой планеты Солнечной системы Нибиру по их подобию и с использованием материала эволюции земного живого вещества.
- ⁹ Об этом интересно писал В.В.Розанов в своих «Людах лунного света».
- ¹⁰ Они в обобщенном виде перечислены в кн.: Успенский П.Д. Новая модель Вселенной. СПб., 1993. С. 554.
- ¹¹ Поскольку воздух вокруг Земли болезнетворный, считал Пифагор, все живущие в нем смертны. Возвышенный же воздух — вечнодвижущийся, чистый и здоровый, поэтому все живущие в нем бессмертны и потому божественны.
- ¹² Льюис К.С. Мерзейшая мощь. Современная сказка для взрослых. Кн. 2. Т. 3. М., 1993. С. 127.
- ¹³ Там же. С. 128, 129.
- ¹⁴ Описание подобной элиты, объединенной в Ликей, члены которого считают себя Воинами Света в противоположность остальному миру, см. в антиутопии Я.Завацкой «Ликей».
- ¹⁵ Льюис К.С. Цит. соч. С. 31.